

1

По вторникам в 16:30. Такое у нее расписание.

Я стою на грязном тротуаре недалеко от оживленного перекрестка Шестнадцатой и Кей-стрит, пристально рассматривая прохожих. Моя новая клиентка появится через семь минут.

Я могу и не знакомиться с ней сегодня. Все, что нужно, — это визуально оценить возможность дальнейшей работы. От одной этой мысли плечи выгибаются вперед, словно я инстинктивно стремлюсь принять позу эмбриона.

Вполне можно отказаться от этого дела, сославшись на то, что шумиха в прессе вокруг подозрительной смерти няни клиентки сформировала мое мнение и я не сумею быть объективной. Но тогда я солгу Чарльзу, а он мне как родной отец.

— Стелла, ты знаешь, я не люблю никого просить об одолжении, — сказал Чарльз на прошлой неделе, когда мы ужинали в одной из кабинок его любимого итальянского ресторана, и взмахом развернул накрахмаленную белую салфетку.

Та зашуршала, словно подчеркивая его слова.

Вероятно, Чарльз хотел напомнить, что за все годы нашего знакомства он ни разу ни о чем меня не попросил.

— Не уверена, что смогу помочь, — ответила я.

— Ты единственная, кто может помочь ей. Стелла, ты нужна ей, ты должна стать ее рупором.

Я не могу отказать человеку, благодаря которому у меня есть карьера, человеку, который вел меня к алтарю и поддерживал, когда мой брак распался. И вот я стою здесь.

Новая клиентка меня точно не заметит: никто не обратит внимания на тридцативосьмилетнюю брюнетку в черном платье и высоких сапогах, уткнувшуюся в телефон. Тем же самым занята половина людей вокруг меня в этом оживленном районе округа Колумбия. Клиентка должна показаться через две минуты.

Тусклое октябрьское солнце прячется за облаками, прихватив с собой все тепло. Неожиданно сзади раздается скрипучий сигнал машины, от которого душа уходит в пятки.

Я резко оборачиваюсь, собираясь одарить водителя злобным взглядом, а когда поворачиваюсь обратно, вижу клиентку — она всего в десятке ярдов от меня. На ней голубой кардиган, застегнутый на все пуговицы, кудрявые рыжие волосы распущены по плечам. Лицо ничего не выражает. Она даже меньше, чем я представляла. Кажется, ей семь лет, а не девять.

Ее держит за руку мать — высокая хрупкая женщина с сумочкой, которая стоит дороже машин некоторых марок. Они приближаются к пункту назначения. Это серое каменное здание; адрес предусмотрительно указан на медной табличке. Внутри располагается офис лучшего детского психиатра в округе Колумбия. Через несколько секунд мать с дочерью исчезнут за дверьми.

Она всего-навсего ребенок, напоминаю я себе. За последний месяц она пережила больше, чем некоторые люди за всю свою жизнь.

Я профессионал в своем деле. Вероятно, я справлюсь с поставленной задачей благодаря выработанным мной системам и стратегиям. В кои-то веки смогу оказать услугу Чарльзу.

В нескольких шагах от входа в здание маленькая Роуз Баркли останавливается. Она вырывает ладошку из материнской руки и показывает на свою туфлю. Миссис Баркли кивает, снимает большие солнцезащитные очки и убирает их в футляр, пока Роуз занята обувью.

Я вытягиваю шею вперед и наблюдаю за ней украдкой. Люди проносятся мимо Роуз, словно речной поток, огибающий валун, но как будто бы никто не обращает внимания на то, что она делает. Девочка занята не ремешком на блестящих черных туфлях «Мэри-Джейн», как мне сначала показалось. Она пытается что-то найти на земле. Я делаю шаг вперед. Все происходит так быстро, что я едва успеваю заметить случившееся. Будь я на противоположной стороне улицы или внутри здания, то ничего бы и не увидела.

Роуз выпрямляется, ее левая рука ныряет в карман кардигана, а правой она берет мать за руку. Девочка спрятала предмет, но не от моих глаз. Я знаю, что именно подобрал и приберег в кармане этот робкий с виду ребенок. Осколок стекла, похожий по форме на острый клинок.

Мое первое правило для новых клиентов: встречи всегда проходят на их территории. Это могут быть любые места: скейт-парки, соседние кресла в маникюрных салонах, даже задний дворик, где во время беседы хозяин бросает теннисный мячик золотистому ретриверу. Еда — тоже обычное дело. Клиенты редко открываются сразу после знакомства, а когда вы вместе едите пиццу или начос, можно и помолчать.

Я никогда не давлению на человека при первой встрече, самое главное — установить доверительные отношения. Это важно, поскольку у моих клиентов нулевое доверие к взрослым.

Когда судьи по бракоразводным процессам рассматривают очень сложные, запутанные дела об опеке, решение которых кажется невозможным, назначают люди моей профессии — адвокаты, обеспечивающие защиту интересов несовершеннолетних, или так называемые опекуны по назначению суда. Мы представляем интересы детей.

Лично я специализируюсь на подростках. Никогда не беру клиентов моложе двенадцати лет. Но Чарльз, то есть судья Хаксли, хочет, чтобы я нарушила это правило, потому как одна из его коллег — главный су-

дья по делу Баркли — не может найти хорошего поверенного для Роуз.

В последний раз бросаю взгляд на серое здание, где секунду назад исчезла Роуз. Она в безопасном месте, в руках высококвалифицированного профессионала. Рядом находится ее мать.

Так от кого хочет защититься девочка осколком стекла, который можно использовать в качестве ножа?

У обочины останавливается такси «Убер».

— Стелла? — уточняет водитель.

Я киваю и сажусь на заднее сиденье. Он включает радио, из динамиков звучит мелодичный голос репортера Эн-пи-ар. Слава богу, водитель не пытается завязать разговор. Мне нужно собраться с мыслями до следующего места назначения — офисного здания рядом с Вашингтонским кафедральным собором. Предстоит встреча по личному вопросу.

Я смотрю в окно, водитель поворачивает на север и едет по улицам, забитым транспортом. Он тихо ругается, вынужденный притормозить из-за неправильно припаркованной «теслы».

В мозгу, точно пчелиный рой, жужжит добрый десяток противоречивых мыслей. Я тянусь за телефоном, чтобы написать сообщение Марко, моему будущему бывшему мужу, но затем отбрасываю эту идею. Он знает, что я приду, и не опоздает. Марко работает юристом в престижной юридической конторе. Единица тарификации Марко, как и остальных его партнеров, равна шести минутам, поэтому у него непревзойденное чувство времени.

Я выхожу из такси ровно в пять и направляюсь к неприметному кирпичному зданию, в чьих стенах разбились немало сердец. Минуя площадку лифта, поднимаюсь по лестнице на четвертый этаж и заглядываю

в небольшую приемную офиса 402. Марко уже на месте: откинувшись на спинку стула, он говорит с кем-то по телефону и улыбается.

У меня перехватывает дыхание, когда я смотрю на него. Итальянские корни Марко сказались на его внешности: у него блестящие темные волосы, загорелая кожа и глаза, приобретающие янтарный оттенок на солнце. Наше сходство настолько очевидно, что нас не раз спрашивали, не родственники ли мы друг другу. «Есть пары-динозавры, которые со временем начинают выглядеть одинаково», — бывало, отшучивался Марко.

Он поднимается, кладет руку мне на плечо, тянется поцеловать меня в щеку, я же раскидываю руки, чтобы по-настоящему обнять его, но он отстраняется. Мы заговариваем одновременно — вместо наших тел сплетаются слова. Я считаю, что лучше всего пошутить в данной ситуации:

— Какая неожиданная встреча!

Марко бросает привычную для округа Колумбия фразу:

— Как добралась?

Он указывает на журнальный столик — там лежат два комплекта документов с одинаковыми синими авторучками.

— Лакшми позаботилась о бумагах.

Я часто моргаю — все происходит слишком быстро.

— Значит, нам нужно только подписать их?

Он кивает и протягивает мне одну из тонких стопок бумаг.

В отличие от разводов, с которыми мне приходится иметь дело на работе, наш развод с Марко — очень спокойный. Самое большое разногласие у нас возникло, когда он стал настаивать на том, чтобы отдать мне не-большой таунхаус в черте округа Колумбия. Этот дом

мы купили вместе. И оба понимали, почему Марко так поступает: сейчас он зарабатывает в двадцать раз больше меня. Я не стала отказываться от дома, но настояла на том, чтобы муж забрал нашу чудную эспрессо-машину. На самом деле это серьезная жертва, потому что я люблю кофе.

Мгновение колеблюсь, затем небрежно ставлю свое имя на последней странице соглашения о разводе. Смотрю на Марко — он надевает колпачок на ручку.

В приемной появляется Лакшми:

— Стелла, привет. У вас все хорошо?

Киваю, отвожу глаза, чтобы не встретиться с ее сочувствующим взглядом. Ну все, это последний шаг к расторжению нашего с Марко брака. Лакшми регистрирует документы, и мне тут же приходит письмо с уведомлением, что мы получили развод по обоюдному согласию.

Краем глаза замечаю коробку с салфетками на журнальном столике. Рядом стоит статуэтка, изображающая орла с распростертыми крыльями. По-моему, довольно символично: салфетки означают, что горе можно выплакать и оно скоро пройдет, а птица в полете ассоциируется с надеждой на будущее.

Мы с Марко поженились в ясный зимний день около десяти лет назад. Незадолго до этого выпал первый снег... И я знала, чем все закончится, еще до того, как очень искренне произнесла свадебные клятвы. Это был всего лишь вопрос времени.

З

Мы с Марко устраиваемся за барной стойкой неприятного мексиканского ресторанчика, расположенного в районе Тенлитаун. Марко ведет себя поджентльменски, впрочем как и всегда: сперва поддвигает стул мне, затем садится сам.

С момента нашей встречи на юридическом факультете в Университете Джорджа Вашингтона мы составляли список любимых ресторанов в городе. Это заведение не прошло отборочный тур, но «Маргарита» тут хороша да и место удобное. К тому же Марко сообщил, что не сможет остаться на ужин.

Мы заказали пару острых «Маргарит» со льдом, без соли. Вместе с напитками бармен приносит корзинку с хрустящими чипсами и соусник с теплой сальсой. Я наблюдаю за тем, как помощник бармена нарезает лайм небольшим ножом. Лезвие легко проходит сквозь зеленую кожуру. Этот нож немногим больше того куска стекла, который Роуз Баркли спрятала в кармане.

— Всегда виноват муж, — говорит Марко в продолжение разговора, который мы начали по пути сюда. — Значит, Иэн Баркли сделал ребенка няне. Она была во втором месяце беременности?

— Срок около шести недель.

— И он попытался решить эту проблему.

— У жены тоже были свои мотивы, — парирую я. — Ревность, ярость. Кроме того, деньги в этой семье — именно у Бет Баркли. Что, если няня ее шантажировала или просила денег на содержание ребенка?

— Тогда почему Бет не убила и мужа, и няню? — спрашивает Марко. — Они оба ее предали.

Яжимаю плечами и маваю в соусник ломтик чипсов.

— Преступления на почве страсти не поддаются логике. Если Бет и убила няню, то, вероятно, это вышло случайно. Существуют более изощренные способы убийства, чем выталкивание человека из окна третьего этажа.

Я замолкаю, становится стыдно за легкомысленно брошенные слова, потому что сразу вспоминается отсутствующее выражение лица Роуз. Когда все произошло, девочка вместе с бабушкой собирала помидоры в огороде на заднем дворе. Роуз могла увидеть падение няни из окна. И должно быть, услышала, с каким ужасным треском голова несчастной ударилась о каменный пол террасы.

— Родители находились дома, верно? Чье алиби более надежное? — спрашивает Марко.

Спустя месяц после смерти няни СМИ поостыли к этой новости, но старых роликов с меткой «смерть при подозрительных обстоятельствах», как окрестили этот случай полицейские, предостаточно. Последнее несколько дней я тщательно искала информацию и рассказала Марко о том, что удалось узнать:

— Бет Баркли заявила, что находилась в своем кабинете на втором этаже и писала электронное письмо остальным членам совета Центра Кеннеди. Она слушала классическую музыку через наушники — она все-

гда это делает, когда работает, — и утверждает, что музыка заглушила звук бьющегося оконного стекла этажом выше. Полиция подтвердила, что Бет отправила письмо приблизительно в то время, когда няня выпала из окна.

Муж Бет Иэн разговаривал по телефону с сотрудником своей компании по ландшафтному дизайну; его кабинет находится дальше по коридору от кабинета жены. Для звонков Иэн использует беспроводные наушники «Эйрподс» с шумоподавлением. Он заявляет, что не слышал посторонних шумов до завершения разговора, после чего раздался крик матери. Телефонный звонок также подтвердился.

Согласно СМИ, чета Баркли наняла адвокатов, когда стало понятно, что полиция считает их подозреваемыми, и отказалась от проверки на детекторе лжи. Недавно полиция прекратила следствие, и на сегодняшний день дело считается нераскрытым.

И муж, и жена борются за единоличную физическую и юридическую опеку над Роуз.

— Давай представим, что няню толкнула ты. Сколько времени у тебя уйдет на то, чтобы добраться с третьего этажа в один из кабинетов на втором этаже? — поинтересовался Марко, после чего улыбнулся. — Да, нашел кого спрашивать. Конечно, ты это выяснишь.

Я тоже улыбнулась; грусть, нахлынувшая в офисе посредника-примирителя, начала отступать. Я всегда обсуждала свои дела с Марко. Спокойный темперамент и рассудительность — лишь два из множества его замечательных качеств. Несмотря на то что мы теперь живем порознь, сохранилось кое-что важное. Это глубокая дружба между мной и Марко, своего рода прочная связь, иная форма любви.

— Повторить? — спрашивает бармен.

Я даже не заметила, как прикончила свой коктейль.

— Да, пожалуйста.

Бокал Марко практически полон. Это на него не похоже. Он любитель хороших коктейлей. Я хмурюсь и продолжаю делиться деталями. Делаю то, чему научилась за свою практику, ведь почти все, с кем я работаю, врут мне, чтобы продвигать свою повестку, свои иллюзии, — внимательно слежу за невербальными посланиями Марко. За его поведением.

Он стучит пальцами по деревянной стойке. Не ослабляет галстук, как обычно делает в конце рабочего дня. Сидит прямо, не откидываясь на изогнутую спинку стула, готовую принять его в свои ласковые объятия. Язык тела Марко выражает то, о чем он молча размышляет.

Пробую выяснить, что вызывает у него беспокойство:

— На работе все хорошо?

Он пожимает плечами:

— Да, все как обычно.

Марко не стал высокомерным от заключаемых им восьмизначных сделок. Он больше гордится тем, что дает бесплатные юридические консультации женщинам, подвергающимся насилию в семье, и направляет часть своей зарплаты в благотворительные фонды, созданные для детей из бедных семей. Он всей душой тянется к людям, к своим родным.

И за это я его сильно люблю. С замужеством я получила не только Марко. В его большом итало-американском семействе сразу меня приняли. Я бывала на семейных посиделках, где все друг друга перекрикивали, стол ломился от угощения, постоянно доливали вино в бокалы, а дружеские споры и смех накатывали, подобно волнам.

Если у Марко все в порядке на работе, значит он тревожится из-за семьи. Его старшая сестра беременна

четвертым ребенком — беременность сложная, потому что у нее диабет. Правда, я узнавала о ее самочувствии совсем недавно, и все было хорошо. У матери Марко в последнее время появились боли в груди. По результатам обследований доктора сказали, что это просто из-за скопления газов. Но мы знаем, что эскулапы иногда ошибаются.

— Совсем скоро маме исполнится семьдесят лет, — осмеливаюсь я, — планы не поменялись? Празднование состоится в ресторане «Инн эт Литл Вашингтон», как и намечалось?

Пальцы Марко ускоряют ритм. Бинго.

— А, да... я на самом деле хотел об этом поговорить.

Сердце начинает биться чаще в такт пальцам Марко, отстукивающим стаккато. Его мать давно мечтала отметить юбилей в единственном ресторане округа Колумбия, отмеченном тремя мишленовскими звездами. Банкет забронировали еще год назад. У бывшего мужа большая семья, — правда, его отца не стало вскоре после нашей свадьбы, но есть четверо братьев и сестер, и они будут на торжестве со своими половинами. Я тоже приглашена. Они по-прежнему считают меня частью семьи. С нетерпением жду, что же Марко скажет дальше.

— Я кое-кого встретил, — произносит он.

Сразу вспоминаю, как он радостно с кем-то беседовал по телефону в приемной посредника и отклонил мое предложение поужинать сегодня. Марко не стал бы ничего говорить, если бы его новые отношения не были серьезными — настолько серьезными, что он хочет пригласить на долгожданный семейный ужин другую женщину, а не меня — бывшую жену, которая все еще называет свекровь мамой.

Математические расчеты совсем не сложные. Не важно, сколько стульев будет вокруг стола на банкете: если на юбилей придет новая пассия Марко, для меня в любом случае места там не хватит.

Оказывается, бывший уже нашел утешение, которое, как мне показалось, обещала та статуэтка в виде орла в офисе Лакшми. Я не виню Марко. Мы расстались более года назад.

Я не отступаю от правил — улыбаюсь и продолжаю смотреть ему в глаза. Ничем, абсолютно ничем себя не выдаю. На своей работе я научилась убедительно врать.

— Счастлива за тебя! — Я поднимаю бокал для тоста. — Ей повезло. Пригласи ее на званый ужин. А я преподнесу маме подарок как-нибудь в другой раз.

Марко сияет и, наконец расслабившись, говорит:

— Спасибо за понимание.

В день свадьбы я была влюблена и верила, что мы преодолеем все. Но кое в чем ни я, ни он не хотели уступать друг другу. И разделяющая нас трещина со временем расползлась вширь и вглубь. Марко хотел детей, а я — нет. Более того, я не могла быть матерью — не физически, а эмоционально. Однажды мой психотерапевт сказал, что люди, чье детство было похоже на мое, обычно выбирают один из двух вариантов: или становятся такими родителями, о каких сами мечтали, или совсем не заводят детей.

Марко надеялся, что я поменяю свою точку зрения о материнстве. Я надеялась, что нашей любви окажется достаточно.

Я отвожу взгляд и наблюдаю за тем, как нож впи-
вается в очередной лайм.

4

Высокие железные ворота распахиваются, я мягко нажимаю на педаль газа и оказываюсь на извилистой частной дороге, ведущей к имению семьи Баркли в городе Потомак, штат Мэриленд. Согласно информации из открытых источников, этот исторический дом в колониальном стиле вместе с двадцатью акрами земли был приобретен за двенадцать миллионов долларов. И это было до того, как семья Баркли отремонтировала особняк, а также построила конюшню и двухэтажный хозблок.

Недвижимость оформлена на Иэна и Бет Баркли, но покупка стала возможной благодаря наследству, которое получила Бет.

Я делаю еще один глоток кофе со вкусом лесных орехов из кружки-термоса. Чувствую себя немного разбитой — я плохо спала прошлой ночью после разговора с Марко, — а мне необходимо быть предельно внимательной.

На сегодняшний день я поверенная Роуз Баркли. Самое время познакомиться со своей клиенткой.

Подъезжая к дому, стараюсь разглядеть место, где погибла няня, после того как случайно или не без посторонней помощи выпала из окна. Но обзор заграж-

дает большой экскаватор, припаркованный у дома, — его огромная металлическая клешня раскрыта и словно ожидает команды хватать и крушить.

Затем смотрю на дом с широким парадным крыльцом, построенный из серо-зеленого серпентина, — он словно перенесен сюда из мест, где время остановилось. Дом окружен раскидистыми дубами и кедрами, но ни одна упавшая ветка, ни одно бурое пятно не портят вид просторной изумрудной лужайки. Клумбы перед крыльцом обрамлены пышными кустами голубой гортензии с крупными, как шары для боулинга, соцветиями. Я паркую джип перед гаражом и проверяю, взяла ли все необходимое. Телефон с хорошей камерой полностью заряжен — никогда не знаю наперед, когда придется что-то записывать. Ноутбук и новый желтый блокнот (такие бывают у юристов) — в сумке через плечо. Моя любимая ручка «Монблан», подарок Марко, — во внутреннем кармане сумки.

Я выхожу из машины и вдыхаю чистый воздух. Сложно поверить, что это место находится менее чем в тридцати минутах езды от суматошного и закопченного округа Колумбия. Вместо шума колес и блеяния клаксонов я слышу только пение птиц.

Поднимаюсь на крыльцо и нажимаю звонок. Бет Баркли тотчас открывает дверь, точно караулила совсем рядом.

Полиция никогда не считала ее официальной подозреваемой в убийстве. Я отмечаю, какая она стройная, ну просто балерина. При этом Бет довольно высокая — навскидку пять футов девять дюймов. Интересно, хватило бы у нее сил вытолкнуть миниатюрную молоденькую няню сквозь хрупкое одинарное стекло столетнего окна? Конечно да.

— Мисс Хадсон? — спрашивает она, хотя я уже представлялась ей по домофону, висящему на воротах.

— Можете называть меня Стелла.

Я протягиваю ей руку. Она крепко ее пожимает:

— Добро пожаловать. Меня зовут Бет.

У нее бледная кожа, тонкие черты лица и рыжие волосы, как у дочери. Но с годами волосы Бет выцвели, и теперь они не такие яркие, как у Роуз.

Я вхожу в дом и чувствую, как мои глаза непроизвольно расширяются. У меня возникает ощущение, будто я попала в прошлое. Кажется, весь дом, от темных узких досок пола до серо-стальных паровых радиаторов и раздвижных дверей со старинными замочными скважинами, застыл на целый век, ожидая момента, когда в него въедет семья Баркли.

Как правило, при ремонте старых домов для создания простора сносят стены и используют архитектурные уловки, чтобы было больше света и воздуха. Планы же семьи Баркли отличались от общепринятой практики: вместо того чтобы модернизировать дом, они решили его состарить.

Пол имеет легкий уклон, потолки низкие. Коридор оклеен обоями цвета слоновой кости с цветочным рисунком. Стол-консоль с шаткими ножками и латунными элементами выглядит антикварным. Над ним висит акварель в богатой позолоченной раме, которая могла бы принадлежать музею.

— Может, кофе или содовой? — предлагает Бет.

Несмотря на все, что ей пришлось пережить, — двойное предательство, смерть в ее доме, публичный скандал с перспективой развода, — манеры Бет безупречны, она разговаривает мягко и интеллигентно. На ней облегающие брюки цвета верблюжьей шерсти и кремовый свитер. На шее повязан платок, похожий на винтажный «Эрмес». Однако за идеальным фасадом кроется глубокое напряжение. Я вижу это по ее глазам

и едва заметным складкам у рта. Судя по всему, пере-
до мной женщина на грани нервного срыва — она вот-
вот взорвется или хлопнется в обморок. Не исключая
ни первого, ни второго.

Я качаю головой:

— Нет, спасибо.

— Итак... — Бет сплетает пальцы. — Я не совсем по-
нимаю, как это работает.

Я улыбаюсь, в надежде ее подбодрить:

— Единственное, что мне нужно сделать сегодня, —
встретиться с Роуз. Вы можете присутствовать при
этом.

Кажется, Бет недовольна. Но с другой стороны, ко-
му понравится встреча с юристом, который может ре-
шить, что для ребенка лучше всего минимизировать
контакты с родителями?

— Я буду часто к вам наведываться в ближайшие
несколько недель, поэтому важно, чтобы Роуз было
комфортно со мной общаться, — продолжаю я.

В мои обязанности входит оценка всего, что про-
исходит в мире Роуз; помимо этого, мне необходимо
узнать взгляды людей из ее окружения, чтобы в даль-
нейшем представить суду свои рекомендации по опеке.

— Я понимаю, — отвечает Бет, кивая в сторону лест-
ницы с широкими деревянными перилами, украшен-
ными замысловатой резьбой. — Она в своей комнате.

— Позвольте сначала задать один вопрос. Что Роуз
известно о разводе?

— Она знает, что мы с ее отцом разводимся и каж-
дый родитель хочет, чтобы дочь осталась с ним.

Какой же невероятный эмоциональный груз оказал-
ся на плечах маленького ребенка!

Я иду за Бет по ступенькам, заглядываю в гостиную
слева от меня. Мебель сгруппирована у простого кир-